

Е. В. Бородина

**Содержание колодников в первой четверти XVIII в.
(на примере Урала и Западной Сибири)**

Первая четверть XVIII в. являлась временем крупных государственных преобразований, составной частью которых являлось проведение судебной реформы 1717–1727 гг. Новое судоустройство предполагало создание специализированных судебных учреждений – надворных и нижних судов, – которые первоначально не должны были зависеть от местной администрации. С 1722 г. большая часть из них вновь перешла под опеку уездных и губернских властей.

Судебная реформа коснулась и органов содержания тяжущихся и колодников. В соответствии с новым государственным устройством предполагалось, что органы суда должны иметь собственные колодничьи избы. Так ли это было на самом деле?

Степень изученности данной проблематики неоднозначна. С одной стороны, существует большой историографический пласт, посвященный истории царской тюрьмы и монастырским тюрьмам¹, каторге и ссылке². Ряд исследователей рассматривает историю тюрем в контексте истории политического сыска, особенно усилившегося в годы правления Петра Великого³. Кроме того, имеется обширная историография, посвященная собственно реформам судоустройства и судопроизводства⁴.

Цель данной статьи – выявить изменения в содержании и быте колодников в результате петровских преобразований. Территориальные рамки исследования охватывают западные районы Сибирской губернии (1708 г.) – административно-территориальные единицы Урала и Западной Сибири. Это позволяет исследователю отойти от истории изучения тюрем и колодничьих изб Центральной России и столичного Санкт-Петербурга и обратиться к выявлению региональной специфики.

Вторая областная реформа 1719–1727 гг. потребовала разделения уездных воеводских канцелярий, имевших подчас большое число столов и повытий, между несколькими новыми учреждениями. На основе воеводских канцелярий обычно

Бородина Елена Васильевна, доцент Уральского государственного лесотехнического университета. Эл. почта: Sosnovi-bor@yandex.ru

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1–2. М., 1946; *Он же*. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1948; *Кокарева Т.В.* Монастырские тюрьмы как место заточения старообрядцев и сектантов в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; Монастырские тюрьмы в царской России. Рязань, 2010.

² *Мошкина З.П.* Нерчинская политическая каторга: вторая половина XIX в. Чита, 1998; *Казарин П.В.* Якутская политическая ссылка: (Историко-юридическое исследование): Учебное пособие. Якутск, 1999; *Иванов А.А.* Историография политической ссылки в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Иркутск, 2001.

³ *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. М., 1999.

⁴ См., например: *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. М., 1902; *Балакирева Л.М.* Судебная реформа Петра I: Юстиц-коллегия. Новосибирск, 2003; *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009; *Бородина Е.В.* Судебная реформа 1719–1727 гг. на Урале: формирование ведомств и полномочий // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2007. Вып. 13. № 49. С. 56–71; и др.

формировались земская, судебная и собственно воеводские канцелярии¹. Очевидно, наряду с переводом канцелярских служащих от воеводы, получением помещения вблизи от воеводской канцелярии, любому уездному / дистриктовому судебному органу должны были передаваться избы для содержания колодников.

К сожалению, данное предположение пока не удается подтвердить документально. Тем не менее, в большинстве случаев воевода и судья делили помещение для содержания колодников и других заключенных². Данное явление получило отражение в их административной деятельности в небольших населенных пунктах, где для прибывших управляющих и судей имелось только одно помещение – съезжая изба (в ряде случаев – съезжий двор или приказная изба)³.

Кроме того, органами, получившими право иметь места для задержания истцов и ответчиков, стали органы городского управления, занимавшиеся рассмотрением дел посада⁴, а также другие специализированные учреждения (на Урале и в Сибири таким являлся Сибирский обербергамт⁵). Сохранялись тюрьмы при монастырях⁶. После судебной реформы все прочие мелкие ведомства имели возможность содержать колодников и задерживать правонарушителей только после специального разрешения⁷.

Как отмечает Е.В. Анисимов, основная масса тюрем в России XVIII в. представляли собой остроги, которые находились в эксплуатации с XVII в. В большинстве они представляли пересылочные тюрьмы для ссыльных в дальние уголки государства⁸, что особенно было характерно для Сибирской губернии. В деловой документации того времени часто встречаются упоминания о пересылке колодников и их приеме⁹, поиске беглецов¹⁰.

Основным вопросом при пересылке ссыльных и заключенных оставалась проблема ее денежного обеспечения. В Юстиц-коллегию часто приходили доношения из надворных судов с просьбами разьяснить, из каких «доходов» им брать «прогонные деньги». Немаловажными представляются и трудности со снаряжением заключенных¹¹. В 1724 г. Юстиц-коллегия приняла решение о «даче» «прогонных денег» под колодников, которые пересылались

¹ Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг. Екатеринбург, 2007. С. 240–241, 429; Бородина Е.В. Проведение судебной реформы 1717–1727 гг. в Западной Сибири (на примере Тюменского уезда) // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII – XX вв.: тематический сборник научных трудов. Вып. 3. Новосибирск, 2008. С. 84–86.

² ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 104. Л. 23.

³ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Кн. 21565. Л. 374 об.; ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 121. Л. 26.

⁴ ГАТО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; ГАТО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 – 2 об.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 186.

⁶ ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 97. Л. 1 – 1 об.

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 95. Л. 9; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 24. Л. 144.

⁸ Анисимов Е.В. Дыба и кнут. М., 1999. С. 589.

⁹ См., например: ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 114. Л. 34; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 101. Л. 18 об. и др.

¹⁰ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Кн. 21656. Л. 388 об.; РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Кн. 21645. Л. 8–13; РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Л. 128 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 101. Л. 456 об.

¹¹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Кн. 21656. Л. 388 об.

в Преображенский приказ, из неокладных доходов (доходов от пошлин), получаемых от ведения судебно-следственных дел¹.

Источники финансирования пересылки колодников, не проходящих по «слову и делу государеву», такая и не были определены. Это обстоятельство вело ко многим сложностям и несогласованности действий недавно созданных второй областной реформой учреждений. Двадцатого марта 1720 г. в горное ведомство, руководимое В.Н. Татищевым, поступило принятое в Тобольске решение о пересылке беглых солдат и колодников в Тобольскую губернскую канцелярию на крестьянских подводах². Таким образом, перевозка осужденных стала очередной повинностью основного податного населения страны.

Уже через десять дней, 30 марта 1720 г. В.Н. Татищев получил распоряжение из Тобольского надворного суда о передаче колодников в руки данного учреждения. Колодников, заковав в кандалы, требовалось выслать в Тобольск на их собственных подводах. Если лишенные свободы не были богаты и не имели своих подвод, предписывалось высылать их на подводах людей, «до которых те дела касаются»³. Главный суд Сибирской губернии попытался свести к минимуму затраты на пересылку многочисленных заключенных и лиц, попавших под следствие.

Проведение петровской податной реформы внесло очередные изменения в практику охраны тюрем и пересылки заключенных. Плакат о подушном сборе 1724 г. запрещал использовать крестьян на работах, если они не являлись отработкой подушной подати⁴. Еще 5 апреля 1721 г. сибирский губернатор А. Черкасский запретил судебному комиссару Каменского дистрикта Г. Черкасову использовать для работ в канцелярии «крестьян и татар». «Служителями» суда должны были стать драгуны и солдаты⁵. В феврале 1725 г. такой запрет был адресован судебному комиссару Екатеринбургского уезда Д. Карвацкому⁶. Его основанием стала промемория из Тобольской земской конторы⁷. Отныне в пересылке могли участвовать только военные, которых на Урале и в Сибири всегда не хватало⁸.

Так, при ликвидации Екатеринбургской судебной канцелярии в июне 1726 г. проблема перевода колодников из Екатеринбурга в Тобольск обсуждалась в течение почти двух недель. Сибирский обербергамт выделил для охраны 15 чел. всего четырех драгун горной роты и четырех лошади. Для того чтобы колодники не сбежали, в обербергамте было принято решение, что от слободы до слободы заключенных будут провожать «разночинцы и бобыли» до 10 чел.⁹ До конца периода существования «нижних судов» (1727 г.) запрет об использовании крестьян в судебных канцеляриях

¹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Кн. 21656. Л. 401 об.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 95. Л. 79 – 79 об.

³ Там же. Л. 111.

⁴ ПСЗРИ-I. Т. 7. С. 311–313. № 4533.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 77. Л. 15 об.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 64. Л. 14.

⁷ Там же. Д. 70. Л. 411.

⁸ Екатеринбургскому судебному комиссару Д. Карвацкому, например, постоянно приходилось просить людей в Сибирском обербергамте. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 24. Л. 162 об.; и др.

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 312.

периодически нарушался, либо использования как отработка подати. Это возможно было сделать при участии Сибирского обербергамта.

В тюрьмах, располагавшихся при судебных канцеляриях и Тобольском надворном суде, колодники могли находиться без пересылки и более длительное время. Данное обстоятельство обуславливалось, во-первых, невозможностью быстрой отправки колодников, обвиняемых в тяжелых уголовных преступлениях в Тобольский надворный суд и Преображенский приказ. Так, в 1725–1726 гг. в Екатеринбургской судебной канцелярии содержалось «многое число колодников», которые, как отмечалось в доношении в надворный суд, сидели «без решения в разных делах, в том числе иные есть в смертных убийствах и в деле воровских денег, к которым требуютца в караул солдат множество, от чего салдаты весьма караулом отягчены, и опасно, чтоб колодники разбив тюрьмы не разбежались или весьма какой причины не учинили»¹. По всей видимости, тюрьмы Тобольского надворного суда также были переполнены. Кроме того, лица, обвиненные в печатании «воровских денег», в ходе следствия на месте совершения преступления могли выдать своих сообщников². Следовательно, тобольские судьи приняли единственно верное решение: передать заключенных в ведение Сибирского обербергамта. Последний мог использовать их в своих работах³.

Вопрос о содержании колодников являлся очень серьезным. В надворные и нижние суды периодически поступали распоряжения из Юстиц-коллегии о «недержании колодников без решения долговременно»⁴, которые затем пересылались и в другие ведомства⁵. Причинами этого были неблагоприятные условия помещений, в которых располагались колодники.

Не слишком большие избы иногда даже не имели отделения для охранников. Их невозможно было проветрить. Процветала антисанитария. «Крепкому караулу» требовалось проявлять бдительность и не давать колодникам никакой «воли», «чтоб колодники даже вытти не могли»⁶.

Не случайно в Юстиц-коллегию периодически поступали доношения от фискалов, касающиеся вопроса содержания заключенных. В 1721 г. в коллегию неоднократно писал вятский обер-фискал Кикин, который обвинял вятского городского судью И. Телепнева в том, что он «задерживает колодников года на два и больше», и «от той задержки помирает немалое число»⁷. Кикин также отмечал духоту в колодничьей избе. Многие умирали, так и не дождавшись приговора. В начале 1724 г. в колодничьей Сибирского обербергамта содержалось 14 больных. Из них семеро страдали от болезни ног, двое «больны руками», четверо недомогаи от головных болей, двое – «нутром», один весь распух, один болел «французской болезнью» и один находился при смерти⁸.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 186.

² Там же. Д. 94. Л. 73 – 73 об.

³ Там же. Д. 92. Л. 34.

⁴ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Кн. 21656. Л. 402.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 114. Л. 34.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 114.

⁷ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. VI. Кн. 21622. Л. 15 об.

⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 39. Л. 394.

Скованных в железо колодников часто использовали в работах на уральских железодельных заводах. Работа каторжан была оценена В.Н. Татищевым одной копеей в день¹. Таким образом, они зарабатывали средства для тюремного содержания. Порой они так и не дожидались заслуженного «провианта», так как его присваивали должностные лица, распорядившись распределением продовольствия. В октябре 1724 г. колодники подали в Сибирский обербергамт жалобу на дьякона Кирилла Пономарева в том, что он брал провиант за колодников, не отдавая его им². Многие колодники, содержащиеся в местах, где каторжных работ не предполагалось, не могли найти пропитания и голодали³.

Выполнение разнообразных работ являлось одним из немногих способов вырваться из колодничьей избы, которым заключенные пользовались для совершения побега⁴. Другими возможностями являлись выход «по нужде» и поход в баню, несогласованные действия караула на посту и отпуск «на промыслы»⁵.

Одной из основных причин побегов и «отпусков» колодников из-под стражи являлся низкий уровень финансирования и отсутствие оплаты труда работников судебных канцелярий, которые после поступления на службу могли не получать жалование годами. Например, присланный Тобольским надворным судом в судебную канцелярию Екатеринбургского отставного солдата Андрей Ларионов не имел стабильного источника доходов, так как ему не было установлено определенного «денежного и хлебного кормового жалования», и он «служил из доходов» канцелярии⁶.

Многие «караульщики» не имели даже оружия, а «тюремные избы» подчас даже не запирались соответствующим образом. Первое упоминание об одном из крупнейших побегов (11 человек) содержится в фонде «Тобольского надворного суда» и датируется 17 апреля 1722 г. Бежали колодники Кунгурской судебной канцелярии, воспользовавшись тем, что охрана избы на тот момент была малочисленна (всего два человека) и не вооружена⁷. Не менее часто встречаются сообщения о побегах колодников и тюремных сидельцев и в других дистриктах: Уктусском и Тюменском⁸.

Единственным мотивом к бдительной охране колодников являлось наказание за недосмотр. О наградах и денежных поощрениях никогда не упоминалось. В апреле 1722 г. был издан сенатский указ о наказании за побег из тюрем не только тюремных сторожей, но и подъячих, занимавшихся судебно-следственной документацией сбежавших⁹.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 171 об.

² Там же. Д. 24. Л. 123.

³ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1988. Л. 1.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 94. Л. 34 – 34 об.

⁵ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1650. Л. 21; ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 – 4 об.; РГАДА. Ф. 941. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 – 5 об.; ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 2. Л. 32; ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 9. Л. 13 об.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 94. Л. 374.

⁷ РГАДА. Ф. 941. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 – 5 об.

⁸ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 2. Л. 7 об.; ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 9. Л. 13 об.; Д. 12. Л. 4; и др.

⁹ ГАШ. Ф. И-224. Оп. 1. Д. 38. Л. 25 об.

Таким образом, положение тех, кто попадал в тюрьмы и колодничьи избы, было неудовлетворительным. Для того чтобы выжить, колодникам требовалось быть людьми состоятельными. Только так они могли получить минимум благ, необходимых для жизни. Способов выхода из сложившейся неблагоприятной ситуации было немного: побег, написание челобитных с просьбами выпустить ввиду окончания или продолжительности дела¹, передача на поруки свидетелей по делу и обвиняемых по бездоказательным обвинениям. Среди архивных документов часто встречаются челобитные и поручные записи, благодаря которым многие ответчики в тяжбах по гражданским искам и проходившие свидетелями по уголовным делам освобождались от тюремного заключения². Правда, в последнем случае они обязывались не выезжать из населенного пункта до окончания расследования по уголовному делу.

Если власти стремились ужесточить положение колодников, не дать им возможности вырваться из тюрьмы, приносить обществу пользу путем выполнения каторжных работ, то общество относилось к ним более снисходительно. Оно укрывало беглых тюремных сидельцев и солдат³, не выдавая властям, помогало с продовольствием. Попавших в тюрьму могли считать невиновными. Это показывает, что общество первой четверти XVIII в. имело совершенно иное отношение к заключенным и тем самым скрыто противостояло государству.

¹ См., например: ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1650. Л. 46 – челобитная от гулящего человека И. Харитоновна с просьбой отпустить из-под караула из-за укрывательства фальшивомонетчиков.

² ГАТО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 3. Л. 3; ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1649. Л. 23–28; ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1652. Л. 2; ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 и др.

³ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 13. Л. 18 об.; ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1650. Л. 46; ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1650. Л. 38 – 38 об.